

М. ГОРЬКИЙ

БЕСЕДА С ДРАМАТУРГАМИ

«Мне кажется, что как всякий труд в Союзе Советов — литература должна быть тоже трудом коллективным...» — писал А. М. Горький в статье «О возмеченных и «начинающих» в 1928 году. Идею коллективизма в творчестве Горький настойчиво проводил и на Первом всесоюзном съезде писателей, и во многих других своих устных и печатных выступлениях, считая, что этот ее принцип нужно распространить на все области искусства. После Первого съезда писателей, по инициативе Горького, начинается выпуск ряда коллективных работ: серии произведений по истории фабрик и заводов, книги «День

мира» и т. д. Горький изучает положение в различных отраслях искусства, встречается с мастерами театра, кинематографии. У себя на квартире 4 апреля 1935 года он собрал группу драматургов, чтобы поделиться мыслями по поводу объединения усилий деятелей различных видов искусств. Это его выступление не было опубликовано. Сегодня мы знакомим читателей с сокращенной стенограммой речи А. М. Горького на состоявшейся в тот день беседе. Публикацию подготовил кандидат филологических наук Н. И. Родионов.

ставлены герои и вообще все лица в старых пьесах, как они мало говорят и как они много делают. Я уже не буду указывать на таких колоссов этого дела, на таких мастеров, как Шекспир. Умели люди это делать!..

Мотив самозащиты личности против государства — вот что преобладало раньше. ...Если возвратиться к типам, то посмотрите, сколько нами пропущено таких моментов, таких тем, которые, будучи хорошо разработаны, дали бы интересные драматические положения. Возьмите человека религиозного, из которого эту религию вышибает не чья-то пропаганда и словесное давление, а сама действительность. Возьмите тип изобретателя. Здесь есть три типа, которые могут быть совмещены в одной пьесе, но могут и не совмещаться. Могут быть изобретатели трех типов. Во-первых, изобретатель пустяков, различных мелочей, которые более или менее украшают или облегчают быт.

Затем изобретатель, который обладает какими-то техническими знаниями и пытается, исходя из них, развивать их больше, построить более сложную машину, более дешевую и т. д.

Наконец, есть советский изобретатель — человек в высшей степени дерзновенной мечты. Он молодой, ум у него не загружен тем, что было сделано до него, что он всосал с молоком матери. И человек мечтает — как бы использовать силу вращения земли вокруг своей оси или растопить льды Арктики и т. д. Такой человек — это наша фигура, таких людей у нас бесчисленное количество и они должны быть показанными как типы, ибо это типы...

Затем у нас не дано типа кулака. Этот враг совершенно явно осязаемый, не только физически существующий, но и определенно действующий. Но когда его берут и изображают, то обычно изображают крестьянина, который напакостил, который кого-то убил, иногда жену свою убил и т. д. И когда смотришь на этого человека на сцене, то думаешь, а, собственно говоря, — это мелочь и дрянность. А ведь он не дрянный, он не мелочный. Это настоящий кондовый, русский человек, созданный веками. Он прекрасно рассуждает. Он может говорить, например, такие вещи: например, у него сын оказался комсомольцем и мешает ему жить, и дочь мешает ему жить и вот он рассуждает со своими приятелями: дескать, сукин сын, в большевики пошел. Да, а вот Иван Грозный убил своего сына, когда он от него откололся. Петр I тоже убил. Был еще король испанский, который тоже убил своего

сына. Так если помазанники божии убивают, то нам грешным почему не убить?

Это правильно, так рассуждают. Но в фигурах, которые дают наши драматурги, нет этой исторической начинки, а ведь классовая начинка — историческая начинка, и она здорово глубоко сидит. Вы это знаете.

И вот нужно противопоставить ему человека с задачами, которые не обинуясь, не преувеличивая, можно назвать мировыми задачами. Ведь в конечном счете то, что мы делаем, — это мировое дело. И вот противопоставьте-ка этого человека, по-настоящему впитавшего в себя это сознание, да, мало сказать, сознание, а эмоциональную какую-то силу, необходимость сопротивляться, искоренять все то, что мешает людям жить так, как они хотят жить, как они должны жить, — противопоставьте эти две фигуры и вы получите драму небывалую в мире, которая не могла быть раньше. Потому что все эти Уриэлы, Акосты и другие — это еще мало по сравнению с тем, что может дать наша драматургия.

Так чем же объясняется такое странное умаление таких больших фигур, которые в действительности даны и хотя может быть разбиты на частные виды, но ведь частности нужно обобщать, чтобы видеть, до какой степени они сильны и до какой степени они вредны? Нет у нас этого обобщения. Что мешает этому обобщению? По моему мнению, какой-то недостаток знаний. Вернее, — комплексное знание — и затем, просто какое-то непонимание той руководящей той властвующей над историей идеи, которая диктует нам всю нашу работу.

В дальнейшем нужно поставить задачу чисто практическую. Нужно вооружаться. Нужно как-то объединить, сплотить наши ряды, зажечь такой дружной жизнью, которая позволила бы помогать друг другу в этой работе, друг с другом делиться, вместе работать, вместе критиковать друг друга по-товарищески, по-приятельски. Нужно как то все это организовать.

Не знаю, я, может быть, ошибаюсь, но суть в том, что я никогда не могу допустить, что это неосуществимо. Это должно быть осуществимо. Новые вы люди и не новые? Новые. Живете в совершенно новой обстановке, при новых влияниях. Ведь как-то эти влияния на вас действовать должны? Должны. Сопротивляетесь вы им? Нет, мне кажется, не сопротивляетесь.

В чем же дело? Дело в охвате, широте охвата этой действительности, в широте изучения и проникновения в глубочайший смысл явлений.

Вот, мне кажется, в чем суть дела. Это то, что я хотел вам сказать. Давайте поговорим по этому поводу и, может быть, придем к какому-то практическому выводу, потому что на сегодняшний день нужно работать лучше, чем мы работаем. Надо работать лучше.

го идеологического характера, на различном отношении к материалу и т. д.? Если позволено будет сослаться на мой личный опыт, то я сказал бы следующее, что, вероятно, подтвердят люди моего возраста и моего поколения — мне, в продолжение, по крайней мере, 25—30 лет, приходилось работать с людьми, которые в личных отношениях были мне антипатичны. Антипатичны они были как по их внешнему характеру, так и по их социальному поведению, однако я работал, потому что нужно было.

У вас этого нет, не должно быть.

Это нужно стереть. Нужно перешагивать через это, нужно взять друг друга крепко, я не знаю как сказать — за горло, что ли, или еще как, но вообще вплотную поговорить — в чем дело? Чего мы должны достичь, товарищи? Это — какой-то дружной работы, которая бы активизировала творческие способности каждого из нас, дала бы нам возможность создать те ценности, которых страна ждет и на которые она имеет право рассчитывать, которых она имеет право от нас требовать.

Вот вы говорите о драматургии.

Да — отстает. До сих пор, насколько я знаю, нашей советской драматургией не даны крупные типы, не даны такие фигуры, слова и поведение которых вошли бы в пословицу — стали бы мериллом общественного социального поведения.

Старая, дореволюционная литература такими типами очень богата. Есть Расплюевы, Хлестаковы, Маниловы, которые воплощают в себе типичные хафактеры и которые позволяют называть людей их содержанием. Есть Балабайкины и т. д. Словом, есть большое количество типов, от которых можно или

отталкиваться, или которыми, наоборот, можно бить.

Советская драматургия не создала таких типов. Почему?

Вот мне приходится повторять то, что я многократно говорил и что, вероятно, вам уже надоело. Это — об отсутствии у нас комплексного знания действительности. Мы плохо ее знаем. Нет у нас знания всех факторов, всех явлений в их взаимоотношении. Этим мы бедны. Мы слишком рано становимся специалистами. А как известно, специалист подобен флюсу.

...Посмотрите, как действительно по-

Сер